

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Бао Тинтин на тему:

««Сентиментальные повести» Мих. Зощенко: текст и контекст»,

представленную на соискание ученой степени кандидата наук по научной специальности

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

В центре внимания исследования Бао Тинтин «Сентиментальные повести» Михаила Зощенко, которые диссертант рассматривает в аспекте теории интертекстуальности. Несмотря на наличие значимых работ, посвященных Михаилу Зощенко, существуют определенные лакуны в исследовании творчества данного автора. Так, например, как верно отмечает диссертант, недостаточно изучен текстологический аспект «Сентиментальных повестей» Зощенко. Стремясь восполнить эти лакуны, Бао Тинтин ставит перед собой ряд задач: рассмотреть вертикальный контекст «Сентиментальных повестей», проследить историю их создания, реконструировать интертекстуальные связи прозы Зощенко с произведениями русской классической литературы (Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, А.А. Блока и др.), систематизировать интертекстуальные феномены, проявившиеся в повестях Зощенко, – определить тип интертекста и описать его функции. Предмет исследования акцентирует границы своего и чужого в художественном тексте, однако актуальность работы состоит не только в выявлении интертекстуальных связей «Сентиментальных повестей», но и в переосмыслении в целом связей прозы Зощенко с традициями русской классики, а также в оценке перспективности обращения к теории интертекстуальности при изучении творчества писателя. Следует отметить продуктивность предложенного в диссертации подхода, сформулированная проекция задач в большинстве своем решена, исследовательская программа реализована и объяснена.

Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и приложения. В первой главе соискатель проводит сравнение первых публикаций «Сентиментальных повестей» с вариантом 1936 года. Бао Тинтин создает детальную картину трансформации первого начального текста, сопоставляя его с последующими редакциями с учетом идеологии и цензуры. В Приложении к диссертации данные трансформации текста представлены наглядно. В главе «Интертекстуальность: текст в тексте» Бао Тинтин обращается к интертекстуальным «следам» Н.В. Гоголя, А.П. Чехова и др. в «Сентиментальных повестях». Исследователь рассматривает цитату, аллюзию и реминисценцию как примеры «текста в тексте». Третья глава («Интертекстуальность: диалог жанров») посвящена межтекстовым отношениям. Здесь в поле зрения исследователя оказывается жанровая интертекстуальность, возникающая при пародировании и

стилизации. В этой главе сделаны интересные наблюдения об обращении Зощенко к идиллическому хронотопу с целью нарисовать картину «постепенного лишения героев своего дома, покоя и достоинства» (с. 120) и реализации у Зощенко мотива двойничества как «дробления личности», восходящего к повестям Гоголя (с. 126).

Достоверность научных результатов обеспечена теоретико-методологической базой исследования, в первую очередь подходом к литературному произведению в аспекте интертекстуальности в опоре на работы Ю. Кристевой, Р. Барта, И.П. Смирнова, Н.А. Фатеевой, И.Н. Сухих. Основные положения и выводы диссертации получили отражение в восьми публикациях автора, из которых семь входят в список изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации.

Вместе с тем, отдельные положения работы носят дискуссионный характер и вызывают вопросы.

1. Вряд ли отличается новизной поставленная исследователем задача «выявить связи между идеей диалогизма М.М. Бахтина и теорией интертекстуальности Ю. Кристевой» (с. 21), так как о связях между идеями Бахтина и Кристевой написано достаточно много.
2. Бао Тинтин, с одной стороны, говорит об интертекстуальности как о текстопорождающей теории и понимает под интертекстуальностью *«свойство цитации “чужого” текста, отражающее пермутацию или циркуляцию знаков между текстами»* (с. 15), с другой стороны, делает акцент на рецепции текста читателем и его активном взаимодействии с текстом, заявляя, что это является дополнением к теории интертекстуальности (с. 13). В интерпретации текстов, однако, соискатель балансирует между этими двумя подходами, разводя их и прибегая то к первому, то – в меньшей степени – ко второму. В чем именно тогда заключается вклад соискателя в теорию интертекстуальности и в чем состоит новизна предложенного подхода на фоне подхода рецептивистов? Попутно заметим, что в число представителей рецептивной эстетики попадают М. Риффатер и Р. Барт (с. 151), которые, однако, к этому направлению литературной теории не принадлежат.
3. В диссертации Бао Тинтин уделяет внимание рецепции повестей Зощенко читателями и критиками в 1920-1930-е годы. В этой связи вызывает удивление отсутствие в списке критической литературы книги Грегори Карлетона (Carleton G. The Politics of Reception: Critical Constructions of Mikhail Zoshchenko. Evanston: Northwestern University Press, 1998), в которой Карлетон показывает, как работа

Зощенко бросает вызов стратегиям интерпретации читателей. Не упоминается в диссертации и развернувшаяся в 1928 году на страницах «Комсомольской правды» дискуссия о том, какой человек нужен молодому советскому государству, триггером для начала которой послужило открытое письмо в редакцию студента Аркадия Незнамова под заголовком «Кто строитель социализма?». В дискуссии приняли участие не только рядовые читатели и литераторы, но и «тяжелая артиллерия» – высокопоставленные советские деятели, особое внимание было уделено литературе, в частности, были заклеены литературные попытки представить «нового героя» не с лучшей, идеализированной, стороны.

4. Список использованной литературы включает более 100 наименований критической литературы, из которых только две публикации на английском языке, обе – не связаны с Зощенко (одна из них – монография Риффатера о семиотике поэзии, другая – словарь терминов). Отсутствуют в списке литературы и при обсуждении теоретических вопросов работы таких авторов как Ziva Ben-Porat, Gian Biagio Conte, L. Jenny и др. В то же время в тексте диссертации встречаются неоправданные вкрапления иностранных слов: «герой переживает *Entfremdung* (философия отчуждения)» (с. 127), «потерявший свою человечность герой, подобно новому Голядкину, защищается прямолинейно и примитивно, ведь «*Survival of the fittest*» – выживает наиболее приспособленный» (с. 127).

С учетом всего вышесказанного полагаю:

Содержание диссертации Бао Тинтин на тему: «“Сентиментальные повести” Мих. Зощенко: текст и контекст» соответствует специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации и основным критериям, которым должны отвечать диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, установленных приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете» и рекомендована к защите в СПбГУ. Нарушений пунктов 9, 11 Порядка присуждения Санкт-Петербургским государственным университетом ученой степени кандидата наук соискателем ученой степени мною не установлено.

Член диссертационного совета

д.ф.н., профессор

29.05.2025

Бугаева Любовь Дмитриевна